Башкортостан — надёжная опора России

Окончание. Начало на 1-й стр.

Президенту Республики Башкортостан М. Г. Рахимову также поступило благодарственное письмо от руководства Шанхайского центра драматического искусства за показ спектакля «Кодаса».

«Уважаемый Муртаза Губайдуллович!

20 артистов Башкирского государственного академического театра драмы имени М. Гафури находились в Шанхае КНР с шестидневными гастролями. Башкирский театр представил китайскому зрителю музыкальную комедию «Кодаса» композитора З. Исмагилова и драматурга Б. Бикбая. По мнению театралов Китая, именно эта постановка наиболее ярко и красочно показала культуру башкирского народа.

В фойе Шанхайского драматического центра был установлен большой информационный стенд о театральном искусстве Башкортостана и деятельности Башдрамтеатра», — говорится в письме.

На имя Президента Республики Башкортостан поступают также обращения по электронной почте на официальный информационный портал www.bashkortostan.ru <http://www.bashkortostan.ru/>. В частности, жительница Туймазов Р. З. Хабутдинова написала М. Г. Рахимову о том, что она «побывала во многих уголках России и отметила, что наша республика живет на уровень выше как в селах, так и в городах».

В адрес Президента республики поступило письмо 84-летнего участника Великой Отечественной войны, ветерана образования Л. А. Зарипова из д. Большекызылбаево Мечетлинского района. *«Благодаря Вашей поддержке в этом году построены школы в шести деревнях нашего района. Это неповторимое событие, золотое сокровище для социального роста района. А школы — это гарант сохранения деревень, нации. Уже много лет наша республика, возглавляемая Вами, является надежной опорой России»*. Л. А. Зарипов также подарил свою книгу о своей первой учительнице Саре Гареевне Лукмановой, «не сломленной суровыми испытаниями лихолетий, долгие годы проработавшей в сфере образования района».

И. Мухамадиев из села Метевбаш Белебеевского района в своем письме благодарит М. Г. Рахимова за содействие в приобретении гражданства и паспорта Российской Федерации.

Супруги Лидия и Динислам Казыевы из Уфы поблагодарили Президента Башкортостана М. Г. Рахимова за подарки к 60-летнему юбилею их семейной жизни. *«5 июля 2008 года мне исполнилось 85 лет, что совпало с 65-летием со дня битвы на Курской дуге. На войне у меня погибло пятеро братьев. Я — самый младший из них — волею судьбы остался живым свидетелем Курской битвы. Сейчас я подполковник в отставке. В этом году моей супруге Лидии Абдрафиковне также исполняется 80 лет»*, — сообщается в письме.

«На сходе граждан деревень Кривле-Илюшкино, Павловка, Арслано-Амекачево (Унгар), Кинзябаево Куюргазинского района было решено написать Вам, Муртаза Губайдуллович, письмо. Мы выражаем Вам благодарность за постоянную заботу о сельчанах, за строительство дороги Кинзябаево — Даут-Каюпово. Жители наших деревень всегда общались между собой. Кинзябаевские и унгарские ребята брали в жены азнагуловских, каюповских, тляумбетовских девушек — так налаживались родственные связи. А дорог не было: по грунтовой только в хорошую погоду можно проехать, зимой даже на лошадях не проедешь. Теперь у нас прекрасная дорога, построены мосты, пруды. Наши деревни хорошеют день ото дня — у нас добротные дома, красивые изгороди, чистые асфальтированные улицы, есть газ. Скоро будет газ в Павловке и Арслано-Амекачево. На полях зреет пшеница, значит, будут хлеб и корма.

Наш Президент мудро управляет республикой, мы мирно живем бок о бок с людьми разных национальностей. И желаем всем здоровья, энергии для процветания родной республики», — пишут от имени куюргазинцев председатель совета ветеранов А. Н. Амангильдина и глава администрации СП Кривле-Илюшкинского сельсовета Э. С. Васильева.

В августе прошли традиционные августовские педсоветы. С. Я. Гумеров в своем письме поделился мнением с Президентом республики по этому поводу. *«Работая учителем, директором школы, 34 года редактором журнала «Учитель Башкортостана», объехал республику вдоль и поперек, встречался с учителями, общественностью. Мне сейчас 76-й год, и я продолжаю ездить по родному краю.*

И я глубоко убежден, что Вы своим трудом, заботой о жителях республики завоевали большой авторитет. Башкортостан превратился в один из передовых регионов страны. Наша республика развивается стабильно, всем созданы благоприятные условия для материального и духовного развития, строятся школы, больницы, спорткомплексы.

Жители республики полностью поддерживают Вашу работу, курс, проводимый для развития Башкортостана. И это не только мое мнение, но и наших учителей, ученых, руководителей учебных заведений», — говорится в письме.

Пресс-служба Президента Республики Башкортостан.

ПИСЬМА ИЗ БУДУЩЕГО

С чего начинается Родина?

Дети остаются детьми — меняемся мы, взрослые

Меня всегда коробило, когда что-либо наше, российское, сравнивали с чем-то, что было раньше и где-то. «Северная Пальмира»! Надо же! А кто видел эту Пальмиру? И какой она была? Да, о ней много написали древнеримские историки. Но возникла-то она прежде всего как торговый город на пересечении караванных путей. И нельзя даже ставить рядом нашу суровую Северную столицу с городом в пустыне. Возник Питербург как путь в Европу. Мы должны были утвердиться на Балтике и гордо сказать: «Мы — Россия». Бережное отношение к своему, родному, к наследию прошлого — все это отличает те самые страны, на которые мы постоянно почему-то оглядываемся. А сами творим при этом неведомо что. Взорвали, например, в свое время Троицкий собор XVI века, а сегодня большинство, в том числе и школьники, даже не знают, где он стоял и чем был знаменит.

Коллаж Марселя ГАФАРОВА.

Недавно поинтересовалась у своей знакомой, женщины в полном расцвете творческих и физических сил, классного руководителя восьмого класса одной из школ: «Александра Николаевна, а куда ты с ребятами летом пойдешь?». Она сначала удивилась такому вопросу, но потом поняла суть его и печально ответила: «У нас нет денег на ОМОН». То есть без охраны сегодня никуда. Мне стало очень горько. В застойные времена, которые сейчас принято так ругать, мы, женщины-классные руководители, не боялись отправляться в дальние походы безо всякого сопровождения «силовых структур», исходили родные края со своими классами вдоль и поперек. Ребята вместе с нами учились разжигать костры, ставить палатки, варить в походных условиях кашу и борщ, рассчитывать, чтобы денег, которые нам выдавали на две недели, хватило на все три. Изучали историю, знакомились с полезными травами, а главное, учились быть верными товарищами. Да и мы, учителя, открывали для себя в таком общении и детей, и окружающий мир. Много ли необходимых жизненных знаний каждый из нас вынес из университета? Вспомните Аркадия Райкина: «Кончайте дедукцию, давайте продукцию». Так и мы, учителя 60 — 70-х, учились давать продукцию. Трудно было нам в походах? Да, не совсем легко. Это не «Интурист». Но желание быть поближе к ребятам оказывалось сильнее всех трудностей. Едва наступал июнь — стремились забраться подальше от родных пенатов. Получалось, что я, педагог, азы жизни постигала порой вместе со своими учениками.

Стерлитамак. Там я, учитель, узнала: помимо содового гиганта в городе есть станкостроительный завод, который отправляет продукцию за рубеж.

Берег Стерли. Мои непутевые дети полощутся в воде, а я верещу на берегу — если потонут, мол, домой не возьму. Впервые узнала тогда, что меня прозвали вождем краснокожих. Обидно. Еще неизвестно, кто над кем издевался-то.

Берег Уфимки. Павловка. Вдалеке грохочут шлюзы. Пустынно. Нет еще пансионатов, коттеджей. Мы — первооткрыватели. Правда, недалеко расположились рыбаки, но нам до них, а им до нас дела нет. 8 часов утра. Я выбираюсь из палатки и бегом в реку. Смываю остатки сна, бужу дежурных. Дрова с вечера в костре, ведра с водой над ним. В два ведра засыпаю концентрат каши, в третье — чай. Мы быстро приспосабливались — сколько, чего и куда надо. Потянуло дымком — из палаток с индейскими воплями вылетает моя орда. В реку — и на зарядку. С завтраком управляемся очень быстро, ведь впереди столько интересного! Пока дежурные отмывают ведра, распределяю задания. На берегу не просто туристы, мы все — ученики. Взяв несколько человек, карабкаемся на крутую Павловскую гору. Надо и в сельпо, за продуктами. Любимый перекус моих детей — ломоть хлеба, намазанный маслом, сверху — приличный кусок сыра, а в довершение толстущий слой яблочного мармелада (теперь такого в продаже нет). Я всегда удивлялась, как такой бутерброд в рот полезет? Но он исчезал в мгновение ока. Иногда вместо хлеба угощались пряником. Тоже хорошо. И разве можно сравнить пахнущую дымком кашу с какой-то общепитовской размазней? Три ведра утром, три ведра в обед, три ведра на ужин. Остатков не было. Понятия не имели о чизбургерах и гамбургерах, были счастливы и без них.

Дождь. Правда, теплый. Но купаться и бродить по горам не стоит. В двухместную палатку набилось 17 человек. Посредине, как Будда, восседаю я и рассказываю бесконечную сказку о кровавой розе. Это причудливая мешанина из испанских, английских, норвежских и других баллад и саг, но ребятам я нахально вру про испанскую легенду. Слушают, затаив дыхание. И вдруг из дальнего угла раздается голос Саши (он потом стал кандидатом то ли исторических, то ли философских наук): «Я лежу головой на чем-то мягком». Через минуту, причмокивая: «И сладком». На этом сладком восседают еще три весьма упитанные девицы и со знанием дела сообщают, мягкое и сладкое — это 5 кг мармелада, который вчера притащили из села. Раздается вопль: «Сашка все слопает!». Все дружно бросаются в упомянутый угол. Занавес.

Все необходимые медикаменты мы брали с собой. Год работы после университета в селе быстро превратил меня в весьма опытную медсестру. Правда, к счастью, прибегать к лекарствам приходилось не часто. Но если надо, то и укол могла сделать, и таблетку какую положено дать. А вдруг температура? Всегда с собой стерилизатор. Одноразовые шприцы появились тогда еще только в Москве. Шприц кипятится на костре, а пациент (десятиклассник) канючит: «Ну не надо укол, не дамся». Сдвинув выгоревшие брови, грозно говорю: «Сейчас девчонок на помощь позову». Повздыхав, ребеночек отправляется в палатку. А завтра — все в ажуре. Вот только на купание запрет. Ничего. Пусть по горам походит. А горы здесь замечательные: наш седой Урал. Он стоит миллион лет и сейчас равнодушно смотрит с высокомерием на крошечных человечков, которые обследуют его бока. Нет, почему я пишу: «равнодушно»? Совсем даже не так. На утренней зорьке радостно сообщает о жизни каждая травинка, каждое дерево, каждый мотылек. Да разве можно сравнить запах венецианских каналов с запахом нашего леса, наших озер? А когда, захлебываясь от восторга, уже в Уфе Леша сообщает маме, что поймал «во-от такую рыбину» — я тоже счастлива. Я-то видела этого малька. А песни у костра? Да, конечно, «красивы африканские заливы, города». Но куда бы мы ни ходили, в Башкирии всегда встречались с чем-то новым, о чем мало знали. Я, например, не подозревала, что в верховьях Уфимки очень теплая вода. Мы шлепнулись в воду, как в родную ванну. Даже плавать не хотелось. А потом выбрались на берег и, лежа на животах, чуть ли не губами стали уничтожать лесную ягоду, которой буквально был усыпан берег. А далее пешочком отправились на Караидельский стекольный завод. Не знаю, существует ли он сейчас. Радость была необычайная. Как же! Нам дали выдувать самые фантастические сосуды!

А разве можно забыть лица ребят, когда в Раевке все скопом сидели в палисаднике у ног старенькой матери, которая внешне спокойно показывала нам похоронки на четырех сыновей, причем последний умер у нее на руках в Уфимском эвакогоспитале. Да, к ней приходят, ей помогают. Но о чем думает она долгими зимними вечерами? Дыхание войны, наверное, впервые так сильно обожгло души моих ребят. Несколько дней у них все валилось из рук. Но жизнь берет свое, юность быстро забывает все огорчения.

В одном из классов у меня учились два близнеца, Саша и Леша. Отличить их было практически невозможно. Но когда они стояли рядом, Сашу выдавали глаза. Трудно дать им определение. Лукавые, плутовские? Мальчишек знала и любила практически вся школа. Очередная проделка Саши была, по-моему, в Караидели. Пришли мы туда поздно вечером, усталые, промокшие. Хотелось только одного — спать. Добрые люди разместили нас в какой-то избе. Вроде это был местный Дом пионеров. В одной из комнат были длинные то ли палати, то ли нары. Побросав вещички, мы улеглись спать. Я посредине, девочки — справа, мальчики — слева. Спать и только. А посреди ночи меня вдруг что-то толкнуло. Открываю глаза. Саша деловито, со знанием дела разрисовывает физиономии спящих одноклассников и одноклассниц. Увидев, что я проснулась и с недоумением смотрю на его творчество, он сердито погрозил мне пальцем. От такой наглости мои глаза снова закрылись. Я очень хотела спать. Утром проснулась от дружного вопля. Разрисованы были все, кроме меня и брата-близнеца Леши. В руке у него была зажата неопровержимая улика — моя погубленная губная помада. Не слушая никаких оправданий, бедного Лешу выкинули во двор в огромную лужу, где на непрошеного соседа с недоумением взирала свинья. Настоящего виновника переполоха я позднее открыла классу уже у монумента Дружбы, когда он проворно стал взбираться на гору.

«Взгляни на глобус: вот он — шар земной. На нем — Башкирия». Я наугад тычу ручкой в карту республики. Туймазы? Были. Салават? О, сколько раз. Дюртюли? Были. Вот до Янаула не доходили. Почему-то я не могу представить детей тех лет в фешенебельных отелях Ниццы и Кипра. Да, там очень красиво, там очень синее море, но в речке Сим мы такого сома поймали! Ростом с человека, ну, может, поменьше. Точно — не вру!

Вспоминаю те годы, ребят (а они давно уже солидные дяди и тети) и думаю: «Краше нашего края — нет на земле». Воспоминания детства… Они очень ярки и живучи.

Часто сегодняшние преподаватели жалуются на отсутствие взаимопонимания между ними и их учениками: на уроках сидят с отсутствующим видом, звонок — и скорее домой, агрессивны, любую попытку сближения встречают в штыки. «Дети пошли совсем другие», — жалуются коллеги. Думаю, дети как были, так и остаются детьми — меняемся мы, взрослые, не понимая того, что нас всех объединяет одно — наше общее место на этой планете, место, где мы родились и выросли. И еще. Моя знакомая много лет проработала в детской комнате милиции. До сих пор, завидя ее маленькую фигурку на улице, со всех ног бросаются к ней взрослые дяди и тети с радостным воплем: «Мама Надя!». Она имела дело отнюдь не со сливками детского общества, но, когда уходила с работы, под ее окнами дружно вытирали слезы девчонки из пьющих нищих семей и шмыгали носами мальчишки, регулярно убегавшие от гулящих матерей.

«А вот ты полюби таких, какие есть, сопливых, ругающихся, прячущихся по подвалам и чердакам — вот и весь секрет моей работы», — говорила она мне.

Думаю, и сейчас главное, в чем нуждаются наши дети — из благополучных или нищих семей, — это любовь. И пусть она встречает и провожает их и в школе, и дома.

Светлана КОВАЛЬ,
отличник народного просвещения РФ.

ЧЕЛОВЕК НА СВОЁМ МЕСТЕ

Алексей ФЕНИН:

Пока существует язык — будет и книга

Когда Греция обретала письменность, Сократ сильно об этом горевал

Память — странная штука. Иной раз, когда плывет в колеблющемся мареве знойного июльского полудня сладкий запах цветущей липы, вдруг тревожно защемит сердце, нахлынет и медленно затихнет, как волна, далекое воспоминание. Или донесшийся из распахнутого окна долгий и нежный звук скрипки напомнит неожиданно о чем-то несбывшемся, уже плохо различимом с высоты прожитых лет, но желанном и потерянном.

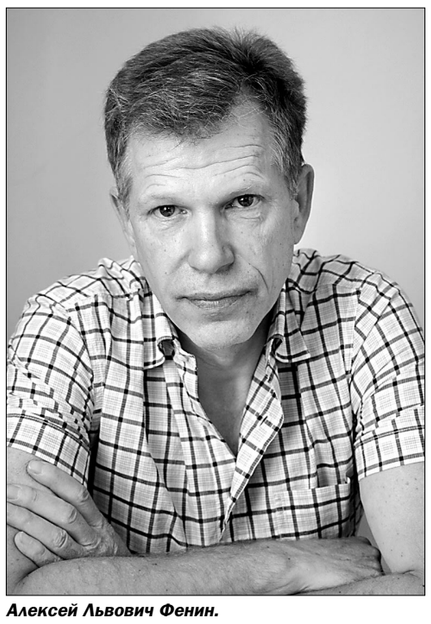
Так ни с чем не сравнимый запах старых книг, пожелтевших от времени, с подшитыми страницами, с хулиганской рожицей, украдкой начирканной мальчишеской рукой на полях, возвращает в уплывшее неведомо куда детство. Древний домик детской библиотеки в Старой Уфе, десять или пятнадцать скрипучих ступенек (а лестница когда-то казалась такой высокой), взлетаешь по ней с бьющимся сердцем — что-то новенькое привезли в зал, битком набитый потрепанными сокровищами, — зал огромный, а как выяснилось годами позже — крошечный.

Да, вообще-то, он и был огромным: ведь там, змеясь среди полок, затерялась дорога из желтого кирпича, по которой путешествовала Элли с верным Тотошкой, в страшной черной обложке затаились притягательно пугающие рассказы Конан Дойля — когда за темным замерзшим окном завывает злая вьюга, и в руки-то боязно взять, а грустные сказки Андерсена населили мир троллями и гномами, странными для девочки, привыкшей к обитателям русских лесов — водяным и лешим.

Зато сейчас — книжные магазины на каждом углу, были бы деньги. Подходи и выбирай: душещипательный роман, на обложке которого обнимаются страстный мачо и нежноокая красавица, «ужастик» про чудищ с других планет, так и норовящих захватить зачем-то нашу и без того богатую на приключения Землю, подробные инструкции, которые дают безмятежные улыбчивые дамы и джентльмены по поводу здоровья и материального положения.

Много книг, много и издательств, работники которых и выбирают, что будет лежать на полках магазинов, библиотек, домашних и городских: легкомысленные однодневки, содержание которых забудется через час, или раритет, бережно передаваемый в семье от старшего к младшему, книга, которую хочется открывать опять и опять, находя в ней новые краски, оттенки, глубину.

Заглянем туда, где, как жемчужина в скромной раковине, рождается в глубинах человеческих желаний и фантазий книга, заглянем вместе с директором издательства «Инеш» Алексеем Львовичем ФЕНИНЫМ.



Алексей Львович Фенин.

— Расскажите немного о работе издательства.

— Издательство наше очень маленькое и очень молодое — появилось на свет весной 2005 года. «Своих» книг выпускаем две-три в год. «Свои» — это полностью нами «выхоженные», продуманные, разработанные до мельчайших подробностей идеи, воплощенные в книгах. Выпускаем заказные издания — прежде всего для министерств культуры и образования, в основном это каталоги к выставкам различных уровней.

— Как вы лодку назовете, так она и поплывет. Как переводится название вашего издательства?

— «Инеш» — это «родник», «источник», а вообще слово многозначное, иногда переводится как «первоисточник». Для издательства, по-моему, подходит как нельзя лучше.

— Что побудило вас заняться книгоизданием: в наши-то дни, когда все говорят о падении уровня культуры, в том числе и культуры чтения?

— Вообще-то, я этим занялся по инерции: после окончания Литературного института сразу стал работать в Башкнигоиздате, ныне это «Китап». Затем в только что организованном издательстве «Слово», работал ответсекретарем в «Бельских просторах», но когда там все отладилось, захотелось чего-то своего. Нужно делать то, что умеешь, и умеешь хорошо. С книжками у меня худо-бедно ладить получалось, правда, существует целая куча проблем, присущих небольшому издательству. И прежде всего это маленькие и супермаленькие тиражи: от 100 экземпляров до трех тысяч. Конечно, вопрос упирается в деньги. Кроме того, возникает проблема выбора авторов, к которой мы относимся весьма серьезно: берем то, что было бы интересным читателю и опиралось бы на нашу родную почву. Тут нам и Москва — не конкурент. Мы работаем на Башкортостан. А уж в выборе тем себя не сдерживаем, был бы интересным автор — это может быть как художественная литература, так и научная или переводная. Например, вспоминается интереснейший человек историк Олег Александрович Науменков, доктор наук, профессор. Хобби у него было очень своеобразное: всю жизнь занимался историей партии тори, и в результате написал прекрасную книгу о последнем премьер-министре викторианской Англии лорде Солсбери — очень достойная книга, вполне подходящая для серии «Жизнь замечательных людей». Как раз мы и готовили ее к печати.

В 2000 году возникло издательство «Демиург», что в переводе с греческого означает «мастер», «ремесленник», «творец». Это тоже было мое детище, сейчас там уже другой директор. Теперь вот «Инеш».

— Как же вы ищете и находите «своих» авторов, случайно или как археолог — сокровища: целенаправленно и расчетливо?

— Хотелось бы сказать, что, мол, в результате целенаправленной и планомерной работы… Но так получается далеко не всегда. Чаще все возникает спонтанно: идешь по улице и вдруг возникает идея — а не издать ли книгу такого-то и такого-то направления. И пошла цепная реакция: есть идея — надо найти исполнителя, потому что далеко не каждый исполнитель может воплотить конкретную идею. Одной из удач нашего издательства, например, я считаю книгу «Уфа и Башкирия на открытках начала XX века». В основу ее легла коллекция Виталия Кимовича Федорова. Это самая обширная в Башкортостане коллекция таких открыток. Он же написал и вполне достойный текст.

Есть такая всероссийская организация «АСКИ» — ассоциация книгоиздателей. Она проводит ежегодный конкурс на лучшую книгу. Эту книгу, еще сборник стихов Мустая Карима, Расула Гамзатова, Давида Кугультинова, Кайсына Кулиева «Я — россиянин» в интересном, оригинальном оформлении мастера графики Талгата Масалимова и «Искусство башкир» мы отправляли на конкурс. Две первых претендовали на награду, третью же — «Искусство башкир» — не взяли лишь потому, что это небывалый в истории конкурса случай, когда от одного издательства номинируются даже два издания, а вовсе не потому, что она была хуже. «Я — россиянин» стала победителем в номинации «Классическая художественная литература», а «Уфа» тоже не осталась незамеченной, получив диплом конкурса.

— Ваше издательство известно культурой оформления своих изданий, что, на мой взгляд, осуществлять на практике сложно. Обложка книги — своеобразная реклама: с одной стороны, должна привлекать внимание покупателя, с другой — не быть безвкусной, кричащей, вульгарной, что наблюдается у очень многих современных изданий. Как вам это удается следовать канонам хорошего вкуса?

— Все зависит от того, какую задачу считать главной: чтобы как можно больше людей купило книгу или чтобы ее купили те люди, которым она предназначена, строгая, неброская обложка — это как черепаховый суп, не всякому доступна. Допустим, употребление кожи в современном переплете я считаю почти неоправданным. Но вот кожаный переплет «Искусства башкир», как и всех книг серии «Башкирская коллекция», имеет свое художественное оправдание. У башкир, как известно, одним из самых распространенных материалов была кожа, и они умели великолепно ее обрабатывать. Брали деревянную заготовку, глубоко в ней прорезали рисунок, затем сырую кожу очень плотно натягивали на заготовку, продавливая узор. Когда кожа высохла, ее снимали — она становилась жесткой и легкой, с глубоким рельефом. На обложке нашей книги есть тиснение, а есть и намек на старый башкирский способ обработки кожи — выклеенный на первой сторонке переплета рельеф.

— Вы говорили, что готовите к печати и переводную литературу. Часто подобные книги страдают стилистической и орфографической неграмотностью. Как справляетесь с этой проблемой?

— В свое время мы заказали перевод на башкирский язык, а потом выпустили в свет повесть Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» с интересными черно-белыми иллюстрациями Александра Костина. А также «Хаджи Мурата» Льва Толстого — правда, эту книгу пока не напечатали. Стараемся приглашать переводчиков не только грамотных, но и творческих. Повесть «Старик и море», например, переводила известная писательница Гульсира Гизатуллина. О ее профессионализме говорит хотя бы тот факт, что сейчас она в Голландии занята переводом Библии на башкирский язык. «Хаджи Мурата» переводил талантливый башкирский писатель Сабир Шарипов, а редактором книги выступила та же Гульсира Гизатуллина. Я составил даже программу перевода европейской классики на башкирский язык, в которой предполагалось переводить не с русского языка, а с языка оригинала: английского, немецкого, французского.

— Как вы считаете, вытеснят ли со временем электронные книги книги печатные, ведь у первых много преимуществ: в их создании участвуют известные актеры, они дают возможность, слушая текст, заняться каким-нибудь делом, да и места занимают мало.

— Все-таки чтение — это одно, смотрение — другое, а слушание — третье. Пока язык существует как основная форма общения, будет существовать и книга. Возможно, в далеком будущем человек научится общаться каким-нибудь иным способом. Ну, тогда можно будет говорить и о другой форме получения информации. Вообще, в изменении формы общения ничего страшного нет. Например, когда Греция переходила на письменность, великий Сократ очень горевал по этому поводу, он считал: только устная речь позволяет развиваться мышлению. Тем не менее все забыли об этом. Как говорится, динозавры вымерли, но никто об этом не жалеет.

Электронный ли, печатный ли вариант — все равно это книга, ее кто-то должен готовить. А вот интернет действительно предлагает отличный от создания книги путь. И даже не с точки зрения текстов — их ведь тоже кто-то готовит, значит, есть работа редактору. Интернет — специфический инструмент общения, у которого есть свои возможности, которых нет ни у книги, ни у кино, ни у телевидения — это интерактивность, то есть обратная связь. Это принципиальное отличие интернета, когда, например, ты сам можешь принимать непосредственное участие в любом обращенном к тебе процессе. Это может быть очень информативно, самое простое — обучающие программы. Много интересного предлагает интернет и тем самым становится серьезным конкурентом книге.

— Собирается ли маленькое симпатичное издательство стать большим и солидным?

— Расширяться надо, во-первых, под определенный объем задач, а с этим сложно. Кроме того, мы — издательство в самом прямом смысле слова: у нас нет станков, нет ничего, что было бы связано с печатным производством. Наши задачи — это поиск и выбор тем, авторов, это редактура, корректура, фотография, работа художника — словом, полная подготовка книги к изданию. Сами книги появляются на свет там, где это целесообразнее в данный момент, а выбор связан со многими факторами, и не всегда с деньгами. Сегодня нет проблемы, где напечатать, есть проблема подготовки к печати, тем более, если к этому относиться серьезно.

Елена ШАРОВА.